

Потамская Вера Павловна,

*аспирант кафедры философии и теории культуры,
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь*

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФИЛОСОФИИ Х. УАЙТА

Аннотация. В статье анализируется подход Х. Уайта к проблеме исторического дискурса. Выявляется роль тропов в процессе конституирования дискурса, утверждается свобода выбора создателем повествования сюжетного типа. Рассматривается проблема соотношения информации, интерпретации и отношения читателя к воспринимаемому в историческом дискурсе.

Ключевые слова: исторический дискурс, язык, лингвистический поворот, тропология, метафора, риторическая теория

Расширение лингвистического поворота во второй половине XX в. актуализировало проблему исторического познания, роли и функций языка в процессах осмысления прошлой реальности, конституирования исторического повествования и дискурса. Интерес к историческому дискурсу также был инспирирован постмодернизмом, в рамках которого он рассматривался как совокупность языковых практик, некая мыслимая конструкция, управляемая социокультурными установками, бытующими в рассматриваемом обществе или контексте.

Одним из исследователей исторического дискурса в рамках новой интеллектуальной истории является Хейден Уайт. К проблеме исторического дискурса Х. Уайт обращается, прежде всего, в книге «Тропики дискурса». Дискурс представляет собой жанр, в котором реализуется один из возможных способов отображения реальности, при сохранении возможности выражения вещей противоположным образом [10, р. 2–3]. По

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
III Международная научно-практическая конференция

мнению Х. Келлнера, Х. Уайт рассматривает дискурс как динамическую силу, которая соединяет префигуративную и финальную стадии лингвистического процесса. Дискурс также соединяет вместе в текстуальном виде описание вещей и значений, представляемых в тексте [5]. Г. Иггерс отмечает, что тропологический метод Х. Уайта создает ложную согласованность концепций исторических исследователей. Х. Уайт, отвечая на данный комментарий, утверждает, что его понятие дискурса как отражения одного доминирующего тропа, способствующего захвату реальности в языке, не ведет к приданию ложной согласованности мыслей [7, p. 393].

Любая история включает в себя глубинное структурное содержание, поэтическое и лингвистичное по своей природе, выступающее «в качестве некритически принимаемой парадигмы того, чем должно быть именно «историческое» объяснение» [2, с. 17]. С того момента, как события истории зафиксированы, приведены в исследованиях, свобода создателя истории состоит в возможности выбора, которую он осуществляет в культурно одобряемых сюжетных типах, посредством которых различные события наделяются фигуративным значением [9, p. 74].

Х. Уайт полагает, что историки интерпретируют свои данные двумя способами: посредством выбора нарративной структуры, которая позволяет придать повествованию признаваемую форму, и посредством выбора парадигмы объяснения, создающей специфическую форму аргументов и тип артикуляции. Оба этих типа является продуктом третьего, более базового, интерпретативного решения: морального или идеологического выбора [10, p. 67–69]. Х. Уайт отмечает, что любой исторический дискурс обладает специфическими идеологическими смыслами.

Дискурс, по мнению философа, является медиативным средством. Он одновременно интерпретативный и преинтерпретативный, он всегда

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
III Международная научно-практическая конференция

содержит информацию о природе интерпретации как самой по себе, так и относительно субъекта, исследующего какой-либо аспект истории. Рассматриваемый как жанр, дискурс может быть проанализирован на трех уровнях: на уровне описания данных (мимесиса), обнаруженных в ходе исследования; на основе аргумента или нарратива (диегезис), которые проявляются наряду с дескриптивными средствами; на основе осуществляемой комбинации двух предыдущих уровней (диатаксис) [ibid, p. 4].

Исторический дискурс стремится создать связь между частями и целым, или между фазами и завершенной структурой процесса. Тропы, при этом, выступают в качестве механизма, без которого дискурс не может полностью функционировать. Анализ исторического дискурса позволяет концептуализировать возможные типы исторической репрезентации, идентифицируя тропы как конструирующие типы образного использования языка [7, p. 402]. Х. Уайт, следуя за Дж. Вико, выделяет 4 основных тропа: Метафору, Метонимию, Синекдоху и Иронию. Данные тропы обеспечивают характеристику объектов в различных типах непрямого или фигуративного дискурса. Х. Уайт отмечает, что тропы функционируют не только как фигуры речи, но как фигуры мысли и выступают как идентичные или аналогичные когнитивным формам сознания.

По мнению философа, развитие исторического мышления может быть рассмотрено как фаза в рамках традиции дискурса, эволюционировавшей от Метафорического толкования исторического мира, через Метонимическое и Синекдохическое толкования к Ироническому постижению неустранимого релятивизма всего знания [2, с. 57]. Эволюция философии истории (от Гегеля через Маркса и Ницше к Кроче) представляет собой то же самое развитие. И в философии истории, и в историографии возникают те же основные модальности концептуализации, хотя и арти-

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
III Международная научно-практическая конференция

кулируются они в разной последовательности [там же, с. 61]. По мнению П. Рикёра, Х. Уайт исходит из того, что, «с одной стороны, всякое значительное историческое произведение демонстрирует целостное видение исторического мира, а с другой стороны, философия истории использует те же средства артикуляции, что и значительные исторические произведения» [1, с. 506].

Х. Уайт отмечает, что репрезентации историков являются «литературными» (поэтическими и риторическими), т.е. отличными от научного дискурса [2, с. 32]. Вместе с тем, историческое объяснение не должно быть однозначно отнесено как к категории литературной истины, так и к акту чистого воображения, но может быть рассмотрено как метафора, управляющая повествовательной последовательностью. Можно отметить влияние К. Поппера в следующем утверждении Х. Уайта: историк (как и ученый, и артист), должен представлять определенную перспективу видения мира, которая не претендует на исчерпывающее описание или анализ всех данных проблемного поля, а предлагает открытие различных аспектов исследование. Подобное методологическое и стилистическое разнообразие приводит к признанию многообразия способов репрезентации мира. Историк, выбирая метафору, конструирует факты в исследуемую проблему и, таким образом, организует мир, прошлое, настоящее и будущее.

Метафора характеризует вещь, дает направления поиска набора образов, которые ассоциируются с вещью, но не изображают ее. Метафора функционирует как символ, нежели как знак: это подразумевает, что она не приводит описания вещи, которую она изображает, но рассказывает нам, какой образ следует искать в культурно обусловленном опыте для определения ощущений относительно изображаемой вещи [10, р. 91].

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
III Международная научно-практическая конференция

Итак, при анализе исторического дискурса как вербальной структуры, Х. Уайт предлагает использовать тропологию, рассматриваемую как теория фигурации и дискурсивного построения сюжета, с помощью которых историки придают событиям статус факта и наделяют их смыслом [2, с. 7]. Философ также согласен с П. де Маном, который рассматривает риторику как теорию тропов и как один из способов наделения фактов значением. Они создаются посредством репрезентаций в языке, которое стоит рассматривать как соединения слов, выражающееся в образах, фигурах и знаках, а не как содержащееся в вещах и словах [6].

Тропология представляет собой теоретическое объяснение вымышленного дискурса и способов, посредством которых различные тропы (метафора, метонимия, синекдоха и ирония) создают образы и связи между ними посредством воображения. Ф. Анкерсмит, сравнивая И. Канта и Х. Уайта, отмечает, что тропология является тем, что транслирует сознание в прошлую реальность, но при этом не является частью этой реальности само по себе [3].

Р. Доран выявляет параллели между утверждением И. Канта (интуиция и концепты конструируют основания знания) и высказыванием Х. Уайта о том, что тропы выстраивают дискурсивно всю сформированную мысль. Тропы создают чувство исторической реальности, выступая как прообразы в семантическом поле, в котором они неизбежно реализуются. Следовательно, данная функция тропов аналогична критике чистого разума так как она «набрасывает» условия возможности исторического письма (тропологические по сути), для того, чтобы оценить единство исторического знания [4].

Сопоставляя категории рассудка И. Канта и тропологию Х. Уайта, Ф. Анкерсмит отмечает, что категории рассудка являются условным знанием о мире и не функционируют как альтернативы друг к другу, в то вре-

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
III Международная научно-практическая конференция

мя Уайтовские тропы и типы сюжеты являются вариативными, следовательно, нельзя рассматривать их как идентичные [3]. Поиск более глубинного уровня приводит к идее префигурации, предшествующей всему, что историк хочет сказать о прошлом, и являющейся трансцендентальным условием возможности исторического познания. Ф. Анкерсмит отмечает, что префигурация не является вариативной, а выступает как трансцендентальное условие возможности исторического знания [3].

Х. Уайт отмечает, что понимание дискурса и его классификация базируются на тропологии, нежели на логике. Во-первых, поскольку дискурс является наиболее явным проявлением сознания, его типология позволяет говорить о типологии понимания. Во-вторых, такая типология понимания позволит связать соперничающие идеологии, каждая из которых характеризует свою позицию как научную, а остальные как некорректные. В-третьих, существует свобода выбора между различными стратегиями конструирования реальности, которые осуществляются различными путями в зависимости от этических намерений [10, p. 23]. Х. Уайт, отстаивая свободу выбора человека, ставит, по сути, кантовский акцент на выборе как эстетическом или моральном виде деятельности.

Риторический анализ исторического дискурса признает, что каждая история, содержит не только определенное количество информации и интерпретации того, что эта информацию обозначает, но также более или менее открытое сообщение относительно отношения, которое читатель должен принимать до сообщаемых данных и формальной интерпретации. И эти фигуративные элементы играют большую роль как компоненты сообщения исторического дискурса, именно в той степени, в которой дискурс сам по себе управляется посредством языка [8].

Исторический дискурс следует рассматривать не как зеркальное отображение последовательности событий, которые он описывает, а как

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
III Международная научно-практическая конференция

знаковую систему, которая развивается в двух направлениях: во-первых, относительно набора событий, которые она описывает; во-вторых, в общей форме рассказа, уподобляемого набору событий, необходимых для того, чтобы раскрыть его формальные сходства, рассматриваемые как структура или процесс [ibid]. В дискурсе выделяются два уровня: уровень фактов и уровень интерпретации, следовательно, он является комбинацией фактов и значения.

В целом, следуя за постмодернистским определением исторического дискурса, Х. Уайт рассматривает его как языковую реальность, создаваемую посредством префигурации и языковых способов выражения. Теория дискурса Уайта является тропологической, в рамках которой предлагается способ классификации определенных видов дискурса, путем соотнесения их с лингвистическими моделями, которые предопределяют идентифицируемое содержание. Уайт использует следующие риторические стратегии – метафорическую, метонимическую, синекдохическую и ироническую, отдавая предпочтение метафорической. Дискурс также является медиативным средством, управляемым посредством социокультурной традиции. Тем самым, прошлое рассматривается как множество исторических реальностей и способов выражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Ankersmit F. White's «Neo-Kantianism»: aesthetics, ethics and politics [Electronic resource] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.*
- 2. Ball K. Hayden White's Hope, or the Politics of Prefiguration [Electronic resource] // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.*
- 3. Doran R. Editor's introduction: choosing the past: Hayden White and the philosophy of history [Electronic resource] // Philosophy of History After Hayden White / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.*

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ
III Международная научно-практическая конференция

4. Muchowski J. *I am not interested in truth. I am interested in reality. A conversation with Hayden White* [Electronic resource]. URL: http://historyka.edu.pl/fileadmin/user_upload/news/Historyka_41/13_.pdf (accessed: 03.03.2016).
5. White H. *An old question raised again: is historiography art or science?* [Electronic resource]. URL: http://www.culturahistorica.es/hayden_white/historiography_art_science.pdf (accessed: 03.03.2016).
6. White H. *Historicism, history and figurative imagination* [Electronic resource]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/eng/white_historicism.htm (accessed: 03.03.2016).
7. White H. *Storytelling: historical and ideological* [Electronic resource]. URL: http://faculty2.ric.edu/rfeldstein/521_fall_08_files/storytellinghistoricalandideological.pdf (accessed: 07.03.2016).
8. White H. *Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism*. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. 283 p.
9. Трубина Е. Г. «Метаистория» и историки // *Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века) / Уайт Х. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – С. 505–518.*
10. Уайт Х. *Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века)*. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.